

9 мая 1945 года ему исполнился 21 год.

— После госпиталя я был в Тбилиси, — рассказывает Булат Окуджава. — Моя тетка подарила мне в этот день сто рублей, на которые можно было купить бутылку сухого вина, что мы с приятелем и сделали, и пошли бродить по ликующему городу. Люди целовались. Обнимались. Многие плакали. А меня, помню, все время преследовало ощущение вины, особенно когда я говорил с теми, у кого кто-нибудь не вернулся.

На войну я пошел добровольцем, после девятого класса, в 1942 году. (Есть у меня об этом рассказ «Утро красит нежным светом...», опубликованный в «Литгазете».) Пошел не из жажды приключений, а зововать с фашизмом. Был патристически настроенным мальчиком, но и романтиком тоже, конечно. Романтизм очень скоро, буквально через несколько дней, улетучился: оказалось, война — это тяжелая, кровавая работа. Был ранен, мотался по госпиталям, потом снова передовая, Северо-Кавказский фронт, и я уже не минометчик, а радист тяжелой артиллерии. Остался жив. Рождения 24-го мало кто уцелел. Война все время со мной: попал на нее в молодое, самое восприимчивое время, и она вошла в меня очень глубоко...

«Победа нас не обошла, да крепко обожгла», — писал он в «Ангелах». У него много таких военных стихов и песен, которые и не нюхавших пороха берут за душу, а что уж говорить о бывших фронтовиках. «Ах, война, что ж ты, подлая, сделала...», «Вы слышите: грохочут сапоги...», «Ленька Королев», «Мы за ценой не стоим...» из кинофильма «Белорусский вокзал»... И в сценариях, и в прозе, даже исторической — о временах полторавековой давности, как, например, новый роман «Свидание с Бонапартом», — и здесь война, размышления о войне, осмысление войны.

Хотя Окуджава пришел в литературу позже, чем «военное поколение», но его гражданская, нравственная позиция определялась именно там, на фронтовых дорогах, когда каждый час жизни, каждая ее минута могли оказаться последними. Оттуда, из

сороковых, тянется суровая нить к шестидесятым, к сегодняшнему дню. Оттуда, из пережитого, — те принципы, которые навсегда стали мерилем явлений и людей, их поступков, их человеческой сущности.

«Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими, не жалейте ни пуль, ни гранат и себя не щадите, и все-

слово «арбатство», придуманное старшекласниками одной московской школы, для которых оно — символ любви к Москве, ее традициям, символ то-варищества. Ребята эти, заметим, ровесники тех, кто уходил когда-то из московских дворов, из московских школ на фронт...

Булат Окуджава. — Я родился на Большой Молчановке, воспитывался в арбатском дворе, в детстве у меня была русская няня, из деревни, все это я впитывал, жадно воспринимал и рос истинным арбатцем. Потом меня стали возить в Грузию, на родину отца и матери. Так параллельно с арбатской появилась

литература, вы называли в прозе — Пушкина, А. Толстого, Гофмана, Т. Манна и в поэзии — Пушкина, Пастернака, Киплинга... И в прозе — Пушкин, и в поэзии — Пушкин. Что значит Пушкин в вашей писательской, человеческой судьбе?

— Пушкина я по-настоящему открыл для себя

...На экране — кусок из фильма М. Хуциев «Мне двадцать лет»: в Политехническом выступают молодые поэты, выходит с гитарой молодой Окуджава. Мы видим слушателей, тоже молодых, с горячими глазами, захваченных поэзией. Кончатся кадры фильма, и там же, в Политехническом, спустя

Как часто мы сетуем сегодня, что наш век сделал людей очень уж деловыми, вкладывая в это понятие — «деловой» — не только энергичность, предприимчивость, но и умение обособиться, отстраниться от чужих проблем: для этого всегда находится и объяснение, и отговорка. Дефицит отзывчивости, чуткости — кажется, самый страшный дефицит. И потому так ценно и ценимо то, что провозглашает художник: «Давайте жить, во всем друг другу потакая, — тем более, что жизнь короткая такая».

Было время, когда Булат Окуджава писал только стихи, или преимущественно стихи, а потом наступила пора прозы. Но сейчас, судя по периодике, снова пробил «час поэзии» — в разных журналах появились стихотворные публикации, и одновременно в «Дружбе народов» печатался роман «Свидание с Бонапартом».

— Да, да... В издательстве «Советский писатель» должна вот-вот выйти книга, в которой собраны старые стихи, наиболее удачные, и много новых, написанных в последние годы. Я рад и выходу книги, и тому, что после нескольких лет молчания снова пишутся стихи. Трудно оценивать самому свою работу. Но мне кажется, что в последних стихах проявилось какое-то новое качество, и это меня радует, всегда ведь топчешься в преддверии чего-то замечательного... Впрочем, может, я и заблуждаюсь. Тем более, что таинственный силует будущей прозы настойчиво требует к себе внимания.

У меня, в общем, счастливая литературная судьба. Она сложилась из многочисленных трудностей, препятствий, конфликтов — это ли не счастье! Судьба меня закалила, многому научила и в то же время не лишила способности выражать себя теми средствами, которыми наделила природа. Хорошо или плохо я ими распорядился — не мне судить. Во всяком случае, я очень старался. Если бы я умел обольщаться на свой счет, я бы считал, что мне предстоит теперь написать самую значительную свою вещь. Но, к счастью, я научился не обольщаться...

Беседу вела
Ирина РИШИНА

Булат ОКУДЖАВА:

НА ЛЮБОВЬ СВОЕ СЕРДЦЕ НАСТРОЮ...

таки постарайтесь вернуться назад», — писал он о мальчиках, ушедших в пекло войны. «Будьте высокими» — этот нравственный постулат как точка отсчета на все времена.

И разве не от имени Леньки Королева, который, «если другу станет худо и вообще не повезет, он протянет ему свою царственную руку, свою верную руку, и спасет», — разве не от имени его и своих сверстников говорит нам поэт сегодня: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке»? И разве не от имени их, для кого девизом было — «мы за ценой не стоим», он анушует нам сегодня: «Дверям закрытым — грош цена, замку цена — копейка!»

Да, сегодня не надо подниматься в атаку, идти в разведку, выносить однопольчанина с поля боя — и все это рискуя собственной жизнью, но и сегодня, пусть в других, мирных, совсем не экстремальных ситуациях, все равно жизнь постоянно испытывает человека на «прочность», надежность, верность долгу, чести, совести...

«Арбатство, растворенное в крови, неистребимо, как сама природа», — пишет поэт, используя в песне как он сам объясняет,

Еще в одной из ранних своих песен поэт признавался в любви к Арбату: «Ты — моя религия... ты — мое отечество». Он и книжку так назвал — «Арбат, мой Арбат». И потом в разных его стихах так или иначе звучал «арбатский» мотив.

А рядом с арбатской, московской нотой все эти годы в его творчестве ясно слышится другая — грузинская. «Виноградную косточку в теплую землю зарюю, и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву, и друзей созову, на любовь свое сердце настрою... А иначе зачем на земле этой вечной живи?» Горы, небо, сам воздух Грузии, ее краски вошли в стихи Окуджавы.

Не знаю, бывают ли «примитивисты» или «неопримитивисты» в поэзии, но искусство Окуджавы кажется сродни им, и в особенности, конечно, грузину Пиросмани. Дело тут не в красках даже, хотя, наверно, и в них, но главное — какой-то «детский» взгляд на мир. Мы говорим о доверчивом, открытом человеке: большой ребенок, детская душа. Как жаль, что на ухабистых дорогах жизни утрачиваем мы это драгоценное свойство...

— Моя родина — это Арбат, — рассказывает

грузинская линия, возник какой-то второй поток во мне. И все же я оставался москвичом, и в поэзии меня воспитывал русский фольклор. После войны учился в Тбилисском университете, но чувствовал себя арбатцем, грустил, страдал в отрыве от Москвы. Когда заканчивал учебу, попросил направить меня на работу в Россию, а уехав из Грузии, став келужским учителем, я вдруг почувствовал в себе грузинскую кровь. Так эти два потока во мне сосуществуют.

И потому среди недавних стихов — рожденные, можно сказать, одновременно «Надпись на камне», которая подтверждает пронесенную сквозь годы верность «арбатской религии», и «Памяти Галактиона» — о замечательном грузинском поэте Г. Табидзе.

— Галактион Табидзе был мужем сестры моего отца, очень любил свою жену, посвятил ей чудные стихи. Я помню его прекрасно и по детским впечатлениям, и по университетским годам — красивого, огромного, доброго бесребренника...

— Булат Шалвович, мне не раз доводилось слышать на ваших творческих вечерах, как в ответ на вопрос о том, кого вы считаете своими учителями в

поздно, в 40 лет. Хотя читал его с детства и думал, что люблю. Но именно думал. Оказалось, что я его не знал, не понимал, а просто участвовал в общем хоре. А в сорок лет я почувствовал Пушкина и стал перечитывать его другими глазами. Как стихи моего близкого хоршего знакомого, как стихи дорогого мне человека, чья трагедия аукнулась во мне очень сильно. Я не литературовед и не могу объяснить свое внутреннее притяжение к Пушкину. Я вижу в Пушкине для себя идеал. Он недостижим, но важно стремление приблизиться к нему. И потом, Пушкин для меня волеоснальная личность во всех отношениях — и в литературном, и в человеческом. Среди прочих у него есть еще одно достоинство, очень мне дорогое, которое заключается в умении смотреть на самого себя иронически. Пушкин — олицетворение русской культуры не одного века.

двадцать лет начинается авторский вечер Булата Окуджавы. И он так же берет гитару и поет песни тех лет и новые, буквально на днях сочиненные, и так же, как тогда, заполнен до отказа зал — стоят в проходах, сидят на ступеньках, и так же проникновенно слушают.

Конечно, поэт говорит о себе, о своем лирическом герое, но ведь и о нас, и обо мне тоже. Несуетные, нехитрые строки — их хочется слушать, их хочется потом перечитывать, а так ли часто мы перечитываем что-то в наш суматошный, суперинформационный и век? Стихи об очень простых, всевечных и всегда насущных вещах, потому что жизнь наша, если она, к счастью, и освещена ими — любовью, товариществом, удачей... все равно этого света душа просит еще и еще... Что об был ярче, сильнее, не угасал дольше Его, этого света, не бывает для человека в избытке...

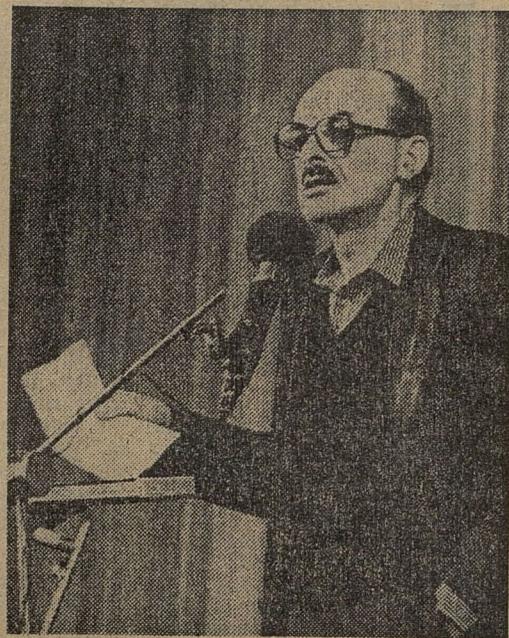

Фото Г. ШАКИНА